

Уже через неделю после знакомства с Томом Рэндольфом мне стало ясно, что жизнь для него — спектакль, мир вокруг — театральные подмостки, а он сам — ведущий актер. Он разыгрывал сцены из всего: своих манер, эмоций, поступков... Он живописал нищету как яркую картину, любовь — как неземное чувство, ежедневные университетские занятия — как трагедию (или комедию, если попадался добрый преподаватель). Ел и пил под музыку; расчесывал волосы и начищал ботинки в ярком свете рампы; входил и выходил с таким театральным видом, какой мне, человеку, далекому от актерского искусства, понять было сложно.

Он был южанином благородного воспитания. Снимал шляпу и преклонял колено перед дамой. Ставил ее на пьедестал и никогда не спускал с него. Утверждал, что ни один мужчина не достоин ее, а если дама и снисходила до кого-то, то тем самым проявляла величайшую милость.

Рэндольф отнюдь не шагал в ногу со временем. В детстве зачитывался Вальтером Скоттом, а повзрослев, по-прежнему смотрел на жизнь как на рыцарский роман.

Он приехал в наш университет почти нищим: единственным источником дохода было полуразорившееся имение его дедушки, полковника Конфедерации. Тот после войны удалился вместе с овдовевшей дочерью на свои бесполезные акры земли. Потом дочь умерла, а внук вырос в этом «царстве теней».

Полковник долгое время каким-то чудом умудрялся поддерживать традиции гостеприимства. Знаменитые гости сидели за его столом, ели традиционно запеченную утку и разогретое черепашье мясо, запивая старым добрым шерри. А если в промежутках между пирами в поместье царил голод, никто об этом не подозревал.

Наверное, именно у деда Том научился живописать бедность. Его одежда была поношенной, а ботинки потрепанными. Но держался он отнюдь не нищим. У Тома было то, чего не было у нас: он был Рэндольфом. У него были родовитая фамилия, знаменитые предки. Короче говоря, Том был истинным джентльменом.

Не думаю, что он считал джентльменами нас; по крайней мере, не в том смысле, какой вкладыв-

вают в это слово в Старом Доминионе¹. Он предпочел наш маленький университет на Среднем Западе из-за дешевизны: финансовое положение не позволяло рассчитывать на другие варианты.

Будь Том постарше, укоренившиеся предрассудки сделали бы общение с ним невыносимым, однако в силу его молодости и обаяния мы были снисходительны. Мы ограничились тем, что прозвали Рэндольфа Вашим Высочеством. И когда Том цветисто приглашал нас в свои апартаменты, мы не могли не чувствовать себя польщенными.

Больше всего в нем пленяло гостеприимство. Это было у Тома в крови. Как только появлялись деньги, он тратил их на то, чтобы устроить праздник. Комната его выглядела захудалой: письменный стол в чернильных пятнах, кушетка, портрет Вашингтона, с полдюжины книг да кастрюля с подогревом.

Кастрюля эта играла коронную роль в его представлениях. Он варил гренки и яйца в манере, явно унаследованной от поколений эпикурейцев. Вижу как сейчас: Том сидит на краю стола, в изношенных башмаках и выцветшем плисовом пиджаке, прядь черных волос ниспадает на лоб, он затягивается длинной сигарой, воображая себя в роли феодала, хозяина целого замка, ну а нас — в роли вассалов, довольно милых и смысленных.

Вполне естественно, что свой первый любовный роман он превратил в спектакль. А когда его бросили, разыграл отчаяние как трагедию. Как только Мэдж Бэллоу заявила, что выбирает Дики Карсона, Рэндольф впал в длительную меланхолию. Он нередко заходил ко мне и садился на кушетку, подперев подбородок рукой: вылитый Гамлет, только моложе и очаровательней.

- Ну почему она предпочла Дики?
- Она лишена воображения.
- Но Дики же скотина.
- Скотина с внушительным счетом в банке.
- Мэдж неважны деньги.
- Я в этом не уверен...
- Макдональд, женщины вовсе не такие.

Он продолжал разглагольствовать, и мне стало ясно, что в его глазах Мэдж обрела черты заблудшей Офелии. В его романтическом лексиконе было место для «слабой женщины», но не для «продажной». В конце концов, он, похоже, выбросил ее из головы. Со словами «ступай в монастырь»² Том сжег ее портрет и лично продемонстрировал мне пепел в серебряной коробочке.

Разумеется, были у Рэндольфа и свои кумиры, которым он порой подосознательно подражал. После одного спора товарищи прозвали его Бонапартом. Том заступался за «маленького капрала» и, защищая, сам перевоплощался в него. С надвинутыми на лоб волосами, со скрещенными руками он бросал вызов спорщикам и в тот миг был не Томом Рэндольфом, но самим Императором.

В тех дебатах Рэндольф одержал верх. Но когда он под шумные аплодисменты возвращался к нам, я — как, наверное, и другие собравшиеся, — испытали странное чувство: будто жившая в его теле душа принадлежала еще кому-то. Конечно, Том остался Томом, однако в его речах прозвучал отзвук иного голоса, навсегда затихшего на острове Святой Елены!

Иллюзия развеялась, но прозвище прилипло прочно. Думаю, оно ему пришлось по душе: Том нарочито усиливал сходство с Бонапартом. Отпустил длинные волосы, стал втягивать голову в плечи, говорить властным тоном.

Началась война. Бельгия была разорена, во Францию вторглись. Рэндольф сразу бросил учебу:

- Я отправляюсь на войну.
- Но, мой дорогой друг, ведь...
- Таков мой долг перед родным Лафайеттом³.

Когда он принимал решение, переубеждать было бесполезно. Мы пошли на попятный, не осознав до конца, насколько важны миру мы и наши винтовки.

Рэндольф же видел себя Генрихом Наваррским⁴ (белый плюмаж); Ричардом Львиное Сердце (крестовые походы и алые кресты); носатым Сирано («Это гвардейцы-гасконцы...»)⁵...

— Видишь ли, Макдональд, мы, Рэндольфы, всегда поступали так.

— Поступали как?

— Шли сражаться. Не было войны, в которой бы не поучаствовали Рэндольфы. И в бесчисленной череде сражений...

Он поведал мне целую повесть о древних Рэндольфах и о том, как они разили врагов копьями на скаку.

— В наше время войны ведутся иначе. Они не такие пасторально-красочные, — не мог не предупредить я.

³ Город на юге США.

⁴ Французский король, участник Религиозных войн.

⁵ Цитата из «Сирано де Бержерака».

¹ Неофициальное название штата Вирджиния.

² Цитата из «Гамлета».

Но в душе я понимал: он все опишет яркими красками и будет носить форму цвета хаки как рыцарскую кольчугу.

Том пригласил нас на прощальный ужин. Я никогда в жизни не ел ничего вкуснее приправленной красным перцем и луком тушеной баранины по-брансуикски¹. Рэндольф подал ее в старом серебряном ковше.

Пока мы ели, он разглагольствовал о войне, о причинах сражаться — «за нашу честь и нашу страну». Среди нас были пацифисты, которые возразили. Он отмахнулся от аргументов:

— Мы — мужчины, не пажи!

Рэндольф обладал такой незримой властью над нашими умами, что никто не засмеялся. Молча сидели и слушали все, что он говорил.

В конце концов, кто-то посмелее выкрикнул:

— Давай, Бонапарт!

В мгновение ока Рэндольф преобразился: вздернул плечи, надвинул шляпу на брови, закутался в сорванное с кушетки покрывало, как в мантию. Он окинул комнату взглядом, в котором не было ни капли гнева — лишь торжествующая насмешка плескалась в его глазах:

— Они бросили нам вызов, мы рискуем нашей честью — тем, чем никогда не пренебрегал ни один француз. И раз прекрасная королева желает лицезреть битву, давайте проявим галантность, не будем заставлять даму ждать; давайте совершим немедленный бросок до Саксонии!..

Не могу описать словами, какое впечатление произвела на нас эта речь. Повисла полная тишина, мы слышали собственное дыхание. На следующий день четверо уехали вместе с Рэндольфом. Думаю, он увел бы за собой и остальных, если бы не просьбы и доводы наших профессоров, говоривших о войне с омерзением.

Перевод с английского Евгения Никитина.

Окончание следует.

¹ Брансуик — город в штате Мэн.